

ЗАПИСЬ О СТАРОСТИ И СМЕРТИ

Публикация Х. Коштоянца

Публикуемая автографическая запись Герцена о старости и смерти, несмотря на свою краткость, представляет большой научный интерес. Она раскрывает новые стороны глубоких теоретических обобщений, сделанных в области естествознания автором «Писем об изучении природы». Отдельный листок, на котором записаны мысли о старости и смерти, сохранился в «празжской коллекции»; относится запись, по видимому, к началу шестидесятых годов.

В то время на старость и смерть принято было смотреть как на внутреннюю закономерность и необходимость. Герцен же, в отличие от этого широко распространенного взгляда, отчетливо подчеркнул значение условий внешней среды и взаимоотношений организма с этими условиями для определения жизни, старости и смерти. Эти идеи Герцена находились в полном соответствии с важнейшим обобщением, сделанным в тот же период И. М. Сеченовым: «Организм без внешней среды, поддерживающей его существование, невозможен, поэтому в научное определение организма должна входить и среда, влияющая на него» (И. М. Сеченов. Две заключительных лекции о значении так называемых растительных актов в животной жизни.—Избранные труды. Серия «Классики науки», М., 1952, стр. 353). Положение, выдвинутое И. М. Сеченовым, получило исключительное значение на новой основе в современной мичуринско-павловской биологии. Очень интересна следующая мысль Герцена: «Насколько среда может быть увлечена организмом (пожалуй, съедена им) — настолько он усваивает ее и сам прилаживается к ней (делает ее съестной, а себя [пищеварением] и развигается». Нарушение этих взаимоотношений между живым и внешними условиями и приводит, как полагает Герцен, к старости и смерти.

〈ЧТО, В САМОМ ДЕЛЕ, ПРОЩЕ И ДОСТУПНЕЕ, КАК ПОНЯТИЕ СТАРОСТИ И СМЕРТИ...〉

〈Начало 1860-х годов〉¹

Что, в самом деле, проще и доступнее, как понятие старости и смерти. А в самом деле оно вряд так ли легко понятно, как кажется. Необходимость старости и смерти — совсем не ясно следует из понятия живого организма, именно потому, что старость и смерть его пределы и скорее лежат в внешних условиях и внутренних отклонениях организма, в его односторонних развитиях и в окружающей среде — чем в его общем смысле.

Организм представляет, больше или меньше, замкнутую в определенную систему совокупность взаимодействий и круговых порук, задерживающих в колеблющемся равновесии разнородные части его. Насколько среда может быть увлечена организмом (пожалуй, съедена им) — настолько он усваивает ее и сам прилаживается к ней (делает ее съестной, а себя пищеварением) и развивается. Там, где оканчивается возможность дальнейшего претворения, он останавливается; где его сил меньше, чем препятствий, он слабеет и, наконец, не в состоянии противудействовать общим химическим процессам.

Сверх того, в организме одна сторона может взять верх, развиться до совершенства или до нелепости — в обоих случаях на счет остальных сторон.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, л. 6.

¹ Предлагаемая условная датировка основана на следующем наблюдении: в статьях «Концы и начала», в «письме шестом» содержатся такие строки: «Те,

Что в самом деле прощ и доступнее, как понятие старости и смерти. Это слово охватывает весь процесс жизни и смерти. Вещное существование и смерть — события не внешние, а внутренние. Жизнь — процесс, а не состояние. Жизнь — процесс, а не состояние. Жизнь — процесс, а не состояние. Жизнь — процесс, а не состояние.

Принимая предположение, что жизнь и смерть — противоположные стороны одного процесса, то можно сказать, что жизнь — это процесс, а смерть — это состояние. Жизнь — процесс, а не состояние. Жизнь — процесс, а не состояние. Жизнь — процесс, а не состояние.

Можно сказать, что жизнь — это процесс, а смерть — это состояние. Жизнь — процесс, а не состояние. Жизнь — процесс, а не состояние. Жизнь — процесс, а не состояние.

Что сверх того в организме одна сторона может взять верх, развиться до совершенства или до нелепости — в обоих случаях на счет остальных сторон.

«ЧТО, В САМОМ ДЕЛЕ, ПРОЩЕ И ДОСТУПНЕЕ, КАК ПОНЯТИЕ
СТАРОСТИ И СМЕРТИ...»

Запись Герцена начала 1860-х гг.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

которые отрицают внутреннюю необходимость смерти древнего Рима и находят, что он убит насильственно, забывают одно: что всякая смерть насильственна. Смерть вовсе не лежит в понятии живого организма, она вне его, за его пределом. Старчество и болезнь протестуют своими страданиями против смерти, а не зовут ее и, найдя они в себе силы или вне себя средства. они победили бы смерть» (XV, 283).

Строки эти, датированные Герценом 20 октября 1862 г., явно перекликаются с публикуемым текстом, хотя формулировка понятия смерти, лежащей за пределами понятия живого организма, дана здесь по аналогии, в связи с процессами историческими. — Ред.